

НЕЗНАКОМЫЙ ЗНАКОМЕЦ

АНДРЕЙ ЖАРКОВ — Олег Ефремов добр. Более того, он обаятелен. Более того, он тонок и талантлив, в великом искусстве — умение разобратся в людях. Более того, он беспощаднее всего разбирается в самом себе. С мужественностью, какая отличает истинного человека, видит реальность нависшей над ним серьезной угрозы — озлобиться, желать поражения другим людям только потому, что они одареннее его. И всеми помыслами своей доброй души он противится этому, ищет выхода из объективно создавшегося, труднейшего, почти тупикового положения. Собственные неудачи не мешают Жаркову — Ефремову видеть мир по-доброму, жить бедами и радостями других людей. Он не превратился в злобного эгоцентриста, какими бывают иные попавшие в похожий переплет люди, у которых не задалось, которых стечение казавшихся поначалу счастливыми обстоятельств завело в обстоятельства вовсе несчастливые...

Олег Ефремов сыграл в пьесе Виктора Розова «С вечера до полудня» роль писателя Андрея Жаркова.

Эту пьесу я слышал и в первом авторском чтении, и читал потом в рукописи, когда автор менял ее названия — от одного к другому хуже. По первоначально было хорошее «Всадники», потом стало похуже — «На беговой дорожке» и, наконец, малозначащее и мало что выражающее нынешнее — «С вечера до полудня». Смена названий не отразилась на самой пьесе. На сцене в интерпретации театра «Современник» пьеса проста в своей сложности, естественна в своей театральности, нова в своей традиционности. И главное — простите за старомодное выражение — берет за душу. Вот уж где

вы не внимаете добру и злу равнодушно, где забываете следить профессиональным глазом за тем, как сделано, захваченные **сутю**.

Олег Ефремов не только сыграл в этой пьесе, но и поставил ее, создав по доброй, но не всегда в последние годы осуществляемой традиции «Современника» завидный своим единомыслием и многострунностью ансамбль. Играют в ансамбле, не боюсь сказать, вдохновенно и Игорь Кваша, и Алла Покровская, и Олег Табаков.

Каюсь, в первом чтении роль, которую играет Ефремов, показалась мне написанной слабее других. Я даже подумал, что Розов, как ни парадоксально, знает литераторов хуже, нежели людей других профессий, — приблизительно, поверху, неточно.

Игра Ефремова опровергла первое впечатление. Видимо, я ошибся. А может быть, актерское видение раздвинуло рамки текста, нашло в нем ту жизненно осязаемую опору, которая сделала фигуру Жаркова узнаваемой и не только по литературной среде? Может, и так.

Во всяком случае, глядя на Ефремова, я угадывал многих — и схожих с Жарковым, и не схожих с ним, и людей, чья жизнь сложилась удачнее, нежели Жаркова, и — неудачнее. И людей литературской профессии, и людей, с этой профессией ничего общего не имеющих.

Очевидно, в этом и есть сила искусства — индивидуализирующая и одновременно обобщающая, создающая тип, называющая явление.

Жарков в прочтении Ефремова — это и человек, и явление.

Увлекла этого человека, потащила за собою, да так, что он и оглянуться не успел, одуматься, отдать себе полный отчет в происшедшем, волна успеха, бур-

ного, ошеломляющего, но, несомненно, временного, преходящего. И попал человек не на ту стезю, какую определили природные его склонности, способности и возможности.

Можно было изобразить в предлагаемых ролях возможных обстоятельствах фигуру злобеще знакомую — угрюмого ненавистника, мизантропа, находящегося в состоянии (кажется, в психиатрии даже есть такой термин) злобной тоскливости. Или, наоборот, тоскливой злобности.

Насколько прав Ефремов, что не пошел на это!

В роли Жаркова Олега Ефремова на все достало — и на юмор, и на глубокое раздумье, и на нежность, и на молчанье, во всем он выразителен, точен, даже трогателен.

Он играет немолодого, скорей даже старого человека не впервые. Играл его уже давно, в первые годы жизни «Современника», и тоже в пьесе Розова «Вечно живые». И тогда был спектакль, тончайше оркестрованный и единозвучающий. Время летит, к основоположникам «Современника» присоединились новые, студия стала театром, юные стали зрельми, пришло признание, не само пришло, пришел успех, не сам пришел, слава пришла, не сама, — все это добыто трудом жестоким, безоглядным, творчеством требовательным, без скидок. И, надеюсь, трезвой оценкой удач и поражений. И главное — одержимостью. Когда не существует обычных графиков для репетиций. Когда каждый из участников коллектива живет жизнью всего коллектива. И успех каждого является успехом всех. Мне кажется, это условие, без которого не может существовать истинный художественный коллектив и без которого не может быть истинного ансамбля, и определяет успех «Современника», его режиссера и артиста Олега Ефремова.

Александр ШТЕЙН

Мин. 20 апреля, Москва, 1970, 11 апреля